

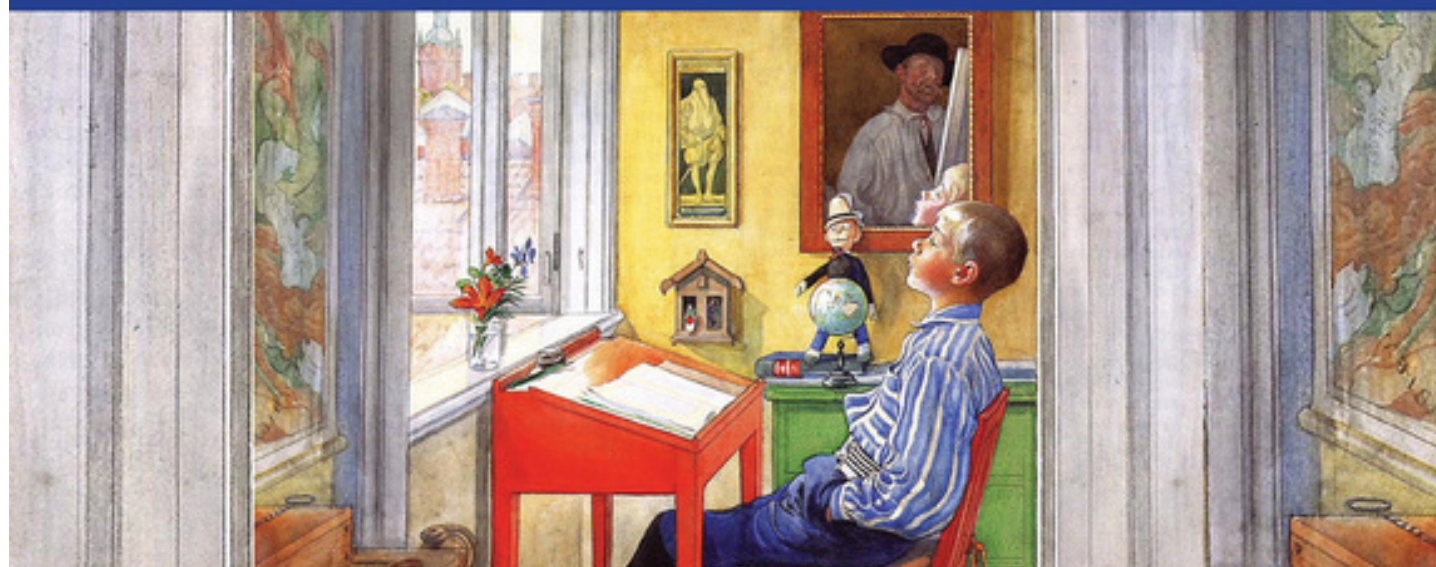

Сельма Лагерлёф

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями

*Перевод со шведского
Александры Любарской,
Зои Задунайской*

ФТМ

Сельма Лагерлёф

**Чудесное путешествие
Нильса с дикими гусями**

«ФТМ»

1907

Лагерлёф С.

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями / С. Лагерлёф —
«ФТМ», 1907

ISBN 978-5-4467-0664-8

Прочитав сказку, вы узнаете удивительную историю заколдованного мальчика, научитесь понимать язык зверей и птиц, побываете в волшебном путешествии, в котором произошло столько увлекательных приключений! Книга также выходила под названием «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции».

ISBN 978-5-4467-0664-8

© Лагерлёф С., 1907
© ФТМ, 1907

Содержание

Глава I. Лесной гном	5
Глава II. Верхов на гусе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сельма Лагерлеф

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями

Глава I. Лесной гном

1

В маленькой шведской деревушке Вестменхег жил когда-то мальчик по имени Нильс. С виду – мальчик как мальчик.

А сладу с ним не было никакого.

На уроках он считал ворон и ловил двойки, в лесу разорял птичьи гнезда, гусей во дворе дразнил, кур гонял, в коров бросал камни, а кота дергал за хвост, будто хвост – это веревка от дверного колокольчика.

Так прожил он до двенадцати лет. И тут случилось с ним необыкновенное происшествие.

Вот как было дело.

Однажды в воскресенье отец с матерью собрались на ярмарку в соседнее село. Нильс не мог дожждаться, когда они уйдут.

«Шли бы скорее! – думал Нильс, поглядывая на отцовское ружье, которое висело на стене. – Мальчишки от зависти лопнут, когда увидят меня с ружьем».

Но отец будто отгадал его мысли.

– Смотри, из дому ни на шаг! – сказал он. – Открывай учебник и берись за ум. Слышишь?

– Слышу, – ответил Нильс, а про себя подумал: «Так я и стану тратить воскресный день на уроки!»

– Учись, сынок, учись, – сказала мать.

Она даже сама достала с полки учебник, положила на стол и придвинула кресло.

А отец отсчитал десять страниц и строго-настрого приказал:

– Чтобы к нашему возвращению все назубок знал. Сам проверю.

Наконец отец с матерью ушли.

«Им-то хорошо, вон как весело шагают! – тяжело вздохнул Нильс. – А я точно в мышеловку попался с этими уроками!»

Ну что поделаешь! Нильс знал, что с отцом шутки плохи. Он опять вздохнул и уселся за стол. Правда, смотрел он не столько в книгу, сколько в окно. Ведь это было куда интереснее!

По календарю был еще март, но здесь, на юге Швеции, весна уже успела переспорить зиму. В канавах весело бежала вода. На деревьях набухли почки. Буковый лес расправил свои ветви, окоченевшие в зимние холода, и теперь тянулся кверху, как будто хотел достать до голубого весеннего неба.

А под самым окном с важным видом разгуливали куры, прыгали и дрались воробьи, в мутных лужах плескались гуси. Даже коровы, запертые в хлеву, почуяли весну и мычали на все голоса, словно просили: «Вы-ыпусти нас, вы-ыпусти нас!»

Нильсу тоже хотелось и петь, и кричать, и шлепать по лужам, и драться с соседскими мальчишками. Он с досадой отвернулся от окна и уставился в книгу. Но прочел он не много. Буквы стали почему-то прыгать перед глазами, строчки то сливались, то разбегались... Нильс и сам не заметил, как заснул.

Кто знает, может быть, Нильс так и проспал бы весь день, если б его не разбудил какой-то шорох.

Нильс поднял голову и насторожился.

В зеркале, которое висело над столом, отражалась вся комната. Никого, кроме Нильса, в комнате нет... Все как будто на своем месте, все в порядке...

И вдруг Нильс чуть не вскрикнул. Кто-то открыл крышку сундука!

В сундуке мать хранила все свои драгоценности. Там лежали наряды, которые она носила еще в молодости, – широченные юбки из домотканого крестьянского сукна, расшитые цветным бисером лифы; белые как снег накрахмаленные чепцы, серебряные пряжки и цепочки.

Мать никому не позволяла открывать без нее сундук, а Нильса и близко к нему не подпускала. И уж о том, что она могла уйти из дому, не заперев сундука, даже говорить нечего! Не бывало такого случая. Да и сегодня – Нильс отлично это помнил – мать два раза возвращалась с порога, чтобы подергать замок, – хорошо ли защелкнулся?

Кто же открыл сундук?

Может быть, пока Нильс спал, в дом забрался вор и теперь прячется где-нибудь здесь, за дверью или за шкафом?

Нильс затаил дыхание и, не мигая, всматривался в зеркало.

Что это за тень там, в углу сундука? Вот она шевельнулась... Вот поползла по краю... Мышь? Нет, на мышь не похоже...

Нильс прямо глазам не верил. На краю сундука сидел маленький человечек. Он словно сошел с воскресной картинке в календаре. На голове – широкополая шляпа, черный кафтанчик украшен кружевным воротником и манжетами, чулки у колен завязаны пышными бантами, а на красных сафьяновых башмачках поблескивают серебряные пряжки.

«Да ведь это гном! – догадался Нильс. – Самый настоящий гном!»

Мать часто рассказывала Нильсу о гномах. Они живут в лесу. Они умеют говорить и по-человечьи, и по-птичьи, и по-звериному. Они знают о всех кладах, которые хоть сто, хоть тысячу лет назад были зарыты в землю. Захотят гномы – зимой на снегу цветы зацветут, захотят – летом замерзнут реки.

Ну, а бояться гнома нечего. Что плохого может сделать такое крошечное существо!

К тому же гном не обращал на Нильса никакого внимания. Он, кажется, ничего не видел, кроме бархатной безрукавки, расшитой мелким речным жемчугом, что лежала в сундуке на самом верху.

Пока гном любовался затейливым старинным узором, Нильс уже прикидывал, какую бы штуку сыграть с удивительным гостем.

Хорошо бы столкнуть его в сундук и потом захлопнуть крышку. А можно еще вот что...

Не поворачивая головы, Нильс оглядел комнату. В зеркале она вся была перед ним как на ладони. На полках в строгом порядке выстроились кофейник, чайник, миски, кастрюли... У окна – комод, заставленный всякой всячиной... А вот на стене – рядом с отцовским ружьем – сачок для ловли мух. Как раз то, что нужно!

Нильс осторожно соскользнул на пол и сдернул сачок с гвоздя.

Один взмах – и гном забился в сетке, как пойманная стрекоза.

Его широкополая шляпа сбилась на сторону, ноги запутались в полах кафтанчика. Он барахтался на дне сетки и беспомощно размахивал руками. Но чуть только ему удавалось немного приподняться, Нильс встряхивая сачок, и гном опять срывался вниз.

– Послушай, Нильс, – взмолился наконец гном, – отпусти меня на волю! Я дам тебе за это золотую монету, большую, как пуговица на твоей рубашке.

Нильс на минуту задумался.

– Что ж, это, пожалуй, неплохо, – сказал он и перестал раскачивать сачок.

Цепляясь за реденькую ткань, гном ловко полез вверх, Вот он уже ухватился за железный обруч, и над краем сетки показалась его голова...

Тут Нильсу пришло на ум, что он продешевил. Вдобавок к золотой монете ведь можно было потребовать, чтобы гном учил за него уроки. Да мало ли что еще можно придумать! Гном теперь на все согласится! Когда сидишь в сачке, спорить не станешь.

И Нильс снова встряхнул сетку.

Но тут вдруг кто-то отвесил ему такую затрепину, что сетка выпала у него из рук, а сам он кубарем откатился в угол.

2

С минуту Нильс лежал не двигаясь, потом кряхтя и охая, встал.

Гнома уже и след простыл. Сундук был закрыт, а сачок висел на своем месте – рядом с отцовским ружьем.

«Приснилось мне все это, что ли? – подумал Нильс. – Да нет, правая щека горит, словно по ней прошлись утюгом. Это гном так меня огрел! Конечно, отец с матерью не поверят, что гном побывал у нас в гостях. Скажут – все твои выдумки, чтобы уроки не учить. Нет, как ни верти, а надо опять садиться за книгу!»

Нильс сделал два шага и остановился. С комнатой что-то случилось. Стены их маленького домика раздвинулись, потолок ушел высоко вверх, а кресло, на котором Нильс всегда сидел, возвышалось над ним неприступной горой. Чтобы взобраться на него, Нильсу пришлось карабкаться по витой ножке, как по корявому стволу дуба. Книга по-прежнему лежала на столе, но она была такая огромная, что сверху страницы Нильс не мог разглядеть ни одной буквы. Он улегся животом на книгу и пополз от строчки к строчке, от слова к слову. Он прямо измучился, пока прочел одну фразу.

– Да что же это такое? Так ведь и к завтрашнему дню до конца страницы не доберешься! – воскликнул Нильс и рукавом отер пот со лба.

И вдруг он увидел, что из зеркала на него смотрит крошечный человечек – совсем такой же, как тот гном, который попался к нему в сетку. Только одет по-другому: в кожаных штанах, в жилетке и в клетчатой рубашке с большими пуговицами.

– Эй ты, чего тебе здесь надо? – крикнул Нильс и погрозил человечку кулаком.

Человечек тоже погрозил кулаком Нильсу.

Нильс подбоченился и высунул язык. Человечек тоже подбоченился и тоже показал Нильсу язык.

Нильс топнул ногой. И человечек топнул ногой.

Нильс прыгал, вертелся волчком, размахивал руками, но человечек не отставал от него. Он тоже прыгал, тоже вертелся волчком и размахивал руками.

Тогда Нильс сел на книгу и горько заплакал. Он понял, что гном заколдовал его и что маленький человечек, который смотрел на него из зеркала, – это он сам, Нильс Хольгерсон.

«А может быть, это все-таки сон?» – подумал Нильс.

Он крепко зажмурился, потом – чтобы совсем проснуться – ущипнул себя изо всех сил и, подождав с минуту, снова открыл глаза. Нет, он не спал. И рука, которую он ущипнул, болела по-настоящему.

Нильс подобрался к самому зеркалу и уткнулся в него носом. Да, это он, Нильс. Только был он теперь не больше воробья.

«Надо найти гнома, – решил Нильс. – Может быть, гном просто пошутил?»

Нильс сполз по ножке кресла на пол и стал обшаривать все углы. Он залез под скамью, под шкаф, – сейчас ему это было нетрудно, – залез даже в мышиную нору, но гнома нигде не было.

Оставалась еще надежда – гном мог спрятаться во дворе.

Нильс выбежал в сени. Где же его башмаки? Они должны стоять возле двери. И сам Нильс, и его отец с матерью, и все крестьяне в Вестменхеге, да и во всех деревнях Швеции, всегда оставляют свои башмаки у порога. Башмаки ведь деревянные. В них ходят только по улице, а дома снимают.

Но как он, такой маленький, справится теперь со своими большими, тяжелыми башмачищами?

И тут Нильс увидел перед дверью пару крохотных башмачков. Сначала он обрадовался, а потом испугался. Если гном заколдовал даже башмаки, – значит, он и не собирается снять заклятие с Нильса!

Нет, нет, надо поскорее найти гнома! Надо просить его, умолять! Никогда, никогда больше Нильс никого не обидит! Он станет самым послушным, самым примерным мальчиком...

Нильс сунул ноги в башмачки и проскользнул в дверь. Хорошо, что она была приоткрыта. Разве смог бы он дотянуться до щеколды и отодвинуть ее!

У крыльца, на старой дубовой доске, переброшенной с одного края лужи на другой, прыгал воробей. Чуть только воробей увидел Нильса, он запрыгал еще быстрее и зачирикал во все свое воробьиное горло. И – удивительное дело! – Нильс его прекрасно понимал.

– Посмотрите-ка на Нильса! – кричал воробей. – Посмотрите-ка на Нильса!

– Кукареку! – весело заорал петух. – Сбросим-ка его в ре-ку!

А куры захлопали крыльями и наперебой закудахтали:

– Так ему и надо! Так ему и надо!

Гуси обступили Нильса со всех сторон и, вытягивая шеи, шипели ему в ухо:

– Хорош-ш! Ну уж хорош! Что, боиш-шься теперь? Боишься?

И они клевали его, щипали, долбили клювами, дергали за руки и за ноги.

Бедному Нильсу пришлось бы совсем плохо, если бы в это время на дворе не появился кот. Заметив кота, куры, гуси и утки сейчас же бросились врассыпную и принялись рыться в земле с таким видом, будто их ничего на свете не интересует, кроме червяков и прошлогодних зерен.

А Нильс обрадовался коту, как родному.

– Милый котик, – сказал он, – ты знаешь все закоулки, все дыры, все норки на нашем дворе. Будь добр, скажи, где мне найти гнома? Он ведь не мог далеко уйти.

Кот ответил не сразу. Он уселся, обвил хвостом передние лапы и посмотрел на мальчика. Это был огромный черный кот, с большим белым пятном на груди. Его гладкая шерстка так и блестела на солнце. Вид у кота был вполне добродушный. Он даже втянул свои когти и зажмурил желтые глаза с узенькой-преузенькой полоской посередине.

– М-р-р, м-р-р! Я, конечно, знаю, где найти гнома, – заговорил кот ласковым голосом. – Но еще неизвестно, скажу я тебе или нет...

– Котик, котик, золотой ротик, ты должен мне помочь! Разве ты не видишь, что гном меня заколдовал?

Кот чуть-чуть приоткрыл глаза. В них вспыхнул зеленый злой огонек, но мурлыкал кот по-прежнему ласково.

– Это за что же я должен тебе помогать? – сказал он. – Может быть, за то, что ты сунул мне в ухо осу? Или за то, что ты подпалил мне шерсть? Или за то, что ты каждый день дергал меня за хвост? А?

– А я и сейчас могу дернуть тебя за хвост! – закричал Нильс. И, забыв о том, что кот раз в двадцать больше, чем он сам, шагнул вперед.

Что тут стало с котом! Глаза у него засверкали, спина выгнулась, шерсть поднялась дыбом, из мягких пушистых лап вылезли острые когти. Нильсу даже показалось, что это какой-то невиданный дикий зверь выскочил из лесной чащи. И все-таки Нильс не отступил. Он сде-

лал еще шаг... Тогда кот одним прыжком опрокинул Нильса и прижал его к земле передними лапами.

– Помогите, помогите! – закричал Нильс изо всех сил. Но голосок у него был теперь не громче, чем у мышонка. Да и некому было его выручать.

Нильс понял, что ему пришел конец, и в ужасе закрыл глаза.

Вдруг кот втянул когти, выпустил Нильса из лап и сказал:

– Ладно, на первый раз хватит. Если бы твоя мать не была такой доброй хозяйкой и не поила меня утром и вечером молоком, тебе пришлось бы худо. Ради нее я оставлю тебя в живых.

С этими словами кот повернулся и будто ни в чем не бывало пошел прочь, тихонько мурлыкая, как полагается доброму домашнему коту.

А Нильс встал, стряхнул с кожаных штанов грязь и поплелся в конец двора. Там он вскарабкался на выступ каменной ограды, уселся, свесив крошечные ноги в крошечных башмачках, и задумался.

Что же будет дальше?! Скоро вернутся отец и мать! Как они удивятся, увидев своего сына! Мать, конечно, заплачет, а отец, может, скажет: так Нильсу и надо! Потом придут соседи со всей округи, примутся его рассматривать и ахать... А вдруг его кто-нибудь украдет, чтобы показывать зевакам на ярмарке? Вот посмеются над ним мальчишки!.. Ах, какой он несчастный! Какой несчастный! На всем белом свете, наверное, нет человека несчастнее, чем он!

Бедный домик его родителей, прижатый к земле покатою крышей, никогда не казался ему таким большим и красивым, а их тесный дворик – таким просторным.

Где-то над головой Нильса зашумели крылья. Это с юга на север летели дикие гуси. Они летели высоко в небе, вытянувшись правильным треугольником, но, увидев своих родичей – домашних гусей, – спустились ниже и закричали:

– Летите с нами! Летите с нами! Мы летим на север, в Лапландию! В Лапландию!

Домашние гуси заволновались, загоготали, захлопали крыльями, как будто пробовали, могут ли они взлететь. Но старая гусыня – она приходилась бабушкой доброй половине гусей – бегала вокруг них и кричала:

– С ума сош-шли! С ума сош-шли! Не делайте глупостей! Вы же не какие-нибудь бродяги, вы почтенные домашние гуси!

И, задрав голову, она закричала в небо:

– Нам и тут хорошо! Нам и тут хорошо!

Дикие гуси спустились еще ниже, словно высматривая что-то во дворе, и вдруг – все разом – взмыли в небо.

– Га-га-га! Га-га-га! – кричали они. – Разве это гуси? Это какие-то жалкие курицы! Оставайтесь в вашем курятнике!

От злости и обиды у домашних гусей даже глаза сделались красными. Такого оскорбления они еще никогда не слышали.

Только белый молодой гусь, задрав голову кверху, стремительно побежал по лужам.

– Подождите меня! Подождите меня! – кричал он диким гусям. – Я лечу с вами! С вами!

«Да ведь это Мартин, лучший мамин гусь, – подумал Нильс. – Чего доброго, он и в самом деле улетит!»

– Стой, стой! – закричал Нильс и бросился за Мартином.

Нильс едва догнал его. Он подпрыгнул и, обхватив руками длинную гусиную шею, повис на ней всем телом. Но Мартин даже не почувствовал этого, точно Нильса и не было. Он сильно взмахнул крыльями – раз, другой – и, сам того не ожидая, полетел.

Прежде чем Нильс понял, что случилось, они уже были высоко в небе.

Глава II. Верхом на гусе

1

Нильс и сам не знал, как ему удалось перебраться на спину Мартина. Никогда Нильс не думал, что гуси такие скользкие. Обеими руками он вцепился в гусиные перья, весь съежился, вобрал голову в плечи и даже зажмурил глаза.

А вокруг выл и гудел ветер, словно хотел оторвать Нильса от Мартина и сбросить вниз. – Сейчас упаду, вот сейчас упаду! – шептал Нильс.

Но прошло десять минут, двадцать, а он не падал. Наконец он расхрабрился и чуть-чуть приоткрыл глаза.

Справа и слева мелькали серые крылья диких гусей, над самой головой Нильса, чуть не задевая его, проплывали облака, а далеко-далеко внизу темнела земля.

Она была совсем не похожа на землю. Казалось, что кто-то расстелил под ними огромный клетчатый платок. Каких только клеток тут не было! Одни клетки – черные, другие желтовато-серые, третьи светло-зеленые.

Черные клетки – это только что вспаханная земля, зеленые клетки – осенние всходы, перезимовавшие под снегом, а желтовато-серые квадратики – это прошлогоднее жниво, по которому еще не прошел плуг крестьянина.

Вот клетки по краям темные, а в середине – зеленые. Это сады: деревья там стоят совсем голые, но лужайки уже покрылись первой травой.

А вот коричневые клетки с желтой каймой – это лес: он еще не успел одеться зеленью, а молодые буки на опушке желтеют старыми сухими листьями.

Сначала Нильсу было даже весело разглядывать это разноцветье. Но чем дальше летели гуси, тем тревожнее становилось у него на душе.

«Чего доброго, они и в самом деле занесут меня в Лапландию!» – подумал он.

– Мартин, Мартин! – крикнул он гусю. – Поворачивай домой! Хватит, налетались!

Но Мартин ничего не ответил.

Тогда Нильс изо всей силы пришпорил его своими деревянными башмачками.

Мартин чуть-чуть повернул голову и прошипел:

– Слуш-ш-ай, ты! Сиди смирно, а не то сброш-шу тебя...

Пришлось сидеть смирно.

2

Весь день белый гусь Мартин летел вровень со всей стаей, будто он никогда и не был домашним гусем, будто он всю жизнь только и делал, что летал.

«И откуда у него такая прыть?» – удивлялся Нильс.

Но к вечеру Мартин все-таки стал сдавать. Теперь-то всякий бы увидел, что летает он без году один день: то вдруг отстанет, то вырвется вперед, то будто провалится в яму, то словно подскочит вверх.

И дикие гуси увидели это.

– Акка Кебнекайсе! Акка Кебнекайсе! – закричали они.

– Что вам от меня нужно? – спросила гусыня, летевшая впереди всех.

– Белый отстает!

– Он должен знать, что летать быстро легче, чем летать медленно! – крикнула гусыня, даже не обернувшись.

Мартин пытался сильнее и чаще взмахивать крыльями, но усталые крылья отяжелели и тянули его вниз.

– Акка! Акка Кебнекайсе! – опять закричали гуси.

– Что вам нужно? – отозвалась старая гусыня.

– Белый не может лететь так высоко!

– Он должен знать, что летать высоко легче, чем летать низко! – ответила Акка.

Бедный Мартин напряг последние силы. Но крылья у него совсем ослабели и едва держали его.

– Акка Кебнекайсе! Акка! Белый падает!

– Кто не может летать, как мы, пусть сидит дома! Скажите это белому! – крикнула Акка, не замедляя полета.

– И верно, лучше бы нам сидеть дома, – прошептал Нильс и крепче уцепился за шею Мартина.

Мартин падал, как подстреленный.

Счастье еще, что по пути им подвернулась какая-то тощая ветла. Мартин зацепился за верхушку дерева и повис среди веток. Так они и висели. Крылья у Мартина обмякли, шея болталась, как тряпка. Он громко дышал, широко разевая клюв, точно хотел захватить побольше воздуха.

Нильсу стало жалко Мартина. Он даже попробовал его утешить.

– Милый Мартин, – сказал Нильс ласково, – не печалься, что они тебя бросили. Ну посуди сам, куда тебе с ними тягаться! Давай лучше вернемся домой!

Мартин и сам понимал: надо бы вернуться. Но ему так хотелось доказать всему свету, что и домашние гуси кое-что стоят!

А тут еще этот противный мальчишка со своими утешениями! Если бы он не сидел у него на шее, Мартин, может, и долетел бы до Лапландии.

Со злости у Мартина сразу прибавилось силы. Он замахал крыльями с такой яростью, что сразу поднялся чуть не до самых облаков и скоро догнал стаю.

На его счастье, начало смеркаться.

На землю легли черные тени. С озера, над которым летели дикие гуси, пополз туман.

Стая Акки Кебнекайсе спустилась на ночевку.

3

Чуть только гуси коснулись прибрежной полосы земли, они сразу полезли в воду. На берегу остались гусь Мартин и Нильс.

Как с ледяной горки, Нильс съехал со скользкой спины Мартина. Наконец-то он на земле! Нильс расправил затекшие руки и ноги и поглядел по сторонам.

Зима здесь отступала медленно. Все озеро было еще подо льдом, и только у берегов выступила вода – темная и блестящая.

К самому озеру черной стеной подходили высокие ели. Всюду снег уже растаял, но здесь, у корявых, разросшихся корней, снег все еще лежал плотным толстым слоем, как будто эти могучие ели силой удерживали возле себя зиму.

Солнце уже совсем спряталось.

Из темной глубины леса слышалось какое-то потрескивание и шуршание.

Нильсу стало не по себе.

Как далеко они залетели! Теперь, если Мартин даже захочет вернуться, им все равно не найти дороги домой... А все-таки Мартин молодец!.. Да что же это с ним?

– Мартин! Мартин! – позвал Нильс.

Мартин не отвечал. Он лежал, как мертвый, распластав по земле крылья и вытянув шею. Глаза его были подернуты мутной пленкой. Нильс испугался.

– Милый Мартин, – сказал он, наклонившись над гусем, – выпей глоток воды! Увидишь, тебе сразу станет легче.

Но гусь даже не шевельнулся. Нильс похолодел от страха...

Неужели Мартин умрет? Ведь у Нильса не было теперь ни одной близкой души, кроме этого гуся.

– Мартин! Ну же, Мартин! – тормошил его Нильс. Гусь словно не слышал его.

Тогда Нильс схватил Мартина обеими руками за шею и потащил к воде.

Это было нелегкое дело. Гусь был самый лучший в их хозяйстве, и мать раскормила его на славу. А Нильса сейчас едва от земли видно. И все-таки он дотащил Мартина до самого озера и сунул его голову прямо в студеную воду.

Сначала Мартин лежал неподвижно. Но вот он открыл глаза, глотнул разок-другой и с трудом встал на лапы. С минуту он постоял, шатаясь из стороны в сторону, потом по самую шею залез в озеро и медленно поплыл между льдинами. То и дело он погружал клюв в воду, а потом, запрокинув голову, жадно глотал водоросли.

«Ему-то хорошо, – с завистью подумал Нильс, – а ведь я тоже с утра ничего не ел».

В это время Мартин подплыл к берегу. В клюве у него был зажат маленький красноглазый карасик.

Гусь положил рыбу перед Нильсом и сказал:

– Дома мы не были с тобой друзьями. Но ты помог мне в беде, и я хочу отблагодарить тебя.

Нильс чуть не бросился обнимать Мартина. Правда, он никогда еще не пробовал сырой рыбы. Да что поделаешь, надо привыкать! Другого ужина не получишь.

Он порылся в карманах, разыскивая свой складной ножичек. Ножичек, как всегда, лежал с правой стороны, только стал не больше булавки, – впрочем, как раз по карману.

Нильс раскрыл ножичек и принялся потрошить рыбу.

Вдруг послышался какой-то шум и плеск. На берег, отряхиваясь, вышли дикие гуси.

– Смотри, не проболтайся, что ты человек, – шепнул Нильсу Мартин и выступил вперед, почтительно приветствуя стаю.

Теперь можно было хорошенько рассмотреть всю компанию. Надо признаться, что красотой они не блистали, эти дикие гуси. И ростом не вышли, и нарядом не могли похвастать. Все как на подбор серые, точно пылью покрытые, – хоть бы у кого-нибудь одно белое перышко!

А ходят-то как! Вприпрыжку, вприскочку, ступают куда попало, не глядя под ноги.

Мартин от удивления даже развел крыльями. Разве так ходят порядочные гуси? Ходить надо медленно, ступать на всю лапу, голову держать высоко. А эти ковыляют, точно хромые.

Впереди всех выступала старая-престарая гусыня. Ну, уж это была и красавица! Шея тощая, из-под перьев кости торчат, а крылья точно кто-то обгрыз. Зато ее желтые глаза сверкали, как два горящих уголька. Все гуси почтительно смотрели на нее, не смея заговорить, пока гусыня первая не скажет свое слово.

Это была сама Акка Кебнекайсе, предводительница стаи. Сто раз уже водила она гусей с юга на север и сто раз возвращалась с ними с севера на юг. Каждый кустик, каждый островок на озере, каждую полянку в лесу знала Акка Кебнекайсе. Никто не умел выбрать место для ночевки лучше, чем Акка Кебнекайсе; никто не умел лучше, чем она, укрыться от хитрых врагов, подстерегавших гусей в пути.

Акка долго разглядывала Мартина от кончика клюва до кончика хвоста и наконец сказала:

– Наша стая не может принимать к себе первых встречных. Все, кого ты видишь перед собой, принадлежат к лучшим гусиным семействам. А ты даже летать как следует не умеешь. Что ты за гусь, какого рода и племени?

– Моя история не длинная, – грустно сказал Мартин. – Я родился в прошлом году в местечке Сванегольм, а осенью меня продали Хольгеру Нильсону в соседнюю деревню Вестменхег. Там я и жил до сегодняшнего дня.

– Как же ты набрался храбрости лететь с нами? – спросила Акка Кебнекайсе.

– Вы назвали нас жалкими курицами, и я решил доказать вам, диким гусям, что и мы, домашние гуси, кое на что способны, – ответил Мартин.

– На что же вы, домашние гуси, способны? – снова спросила Акка Кебнекайсе. – Как ты летаешь, мы уже видели, но, может быть, ты отличный пловец?

– И этим я не могу похвастать, – печально сказал Мартин. – Мне доводилось плавать только в пруду за деревней, но, по правде говоря, этот пруд разве что немного побольше самой большой лужи.

– Ну, тогда ты, верно, мастер прыгать?

– Прыгать? Ни один уважающий себя домашний гусь не позволит себе прыгать, – сказал Мартин.

И вдруг спохватился. Он вспомнил, как смешно подпрыгивают дикие гуси, и понял, что сказал лишнее.

Теперь Мартин был уверен, что Акка Кебнекайсе сейчас же прогонит его из своей стаи.

Но Акка Кебнекайсе сказала:

– Мне нравится, что ты говоришь так смело. Кто смел, тот будет верным товарищем. Ну, а научиться тому, чего не умеешь, никогда не поздно. Если хочешь, оставайся с нами.

– Очень хочу! – ответил Мартин. Вдруг Акка Кебнекайсе заметила Нильса.

– А это кто еще с тобой? Таких, как он, я никогда не видала.

Мартин замялся на минуту.

– Это мой товарищ... – неуверенно сказал он. Тут Нильс выступил вперед и решительно заявил:

– Меня зовут Нильс Хольгерсон. Мой отец – Хольгер Нильсон – крестьянин, и до сегодняшнего дня я был человеком, но сегодня утром...

Кончить ему не удалось. Едва он произнес слово «человек», гуси попятились и, вытянув шеи, злобно зашипели, загоготали, захлопали крыльями.

– Человеку не место среди диких гусей, – сказала старая гусыня. – Люди были, есть и будут нашими врагами. Ты должен немедленно покинуть стаю.

Теперь уже Мартин не выдержал и вмешался:

– Но ведь его и человеком-то не назовешь! Смотрите, какой он маленький! Я ручаюсь, что он не сделает вам никакого зла. Позвольте ему остаться хотя бы на одну ночь.

Акка испытующе посмотрела на Нильса, потом на Мартина и наконец сказала:

– Наши деды, прадеды и прапрадеды завещали нам никогда не доверяться человеку, будь он маленький или большой. Но если ты ручаешься за него, то так и быть – сегодня пусть он останется с нами. Мы ночуем на большой льдине посреди озера. А завтра утром он должен покинуть нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.